

Казалось, весь мир сузился до одной-единственной фигуры.

Зелёная трава, золотистые мишени, багрово распухшие яблоки — всё это исчезало. Перед глазами Сюя остался только Чжоу Янь.

Сердце дрогнуло, на мгновение замерло — а потом в бешеном ритме ударилось о грудную клетку, будто хотело вырваться наружу. Он не мог отвести взгляда, боялся моргнуть.

Каждый раз, просыпаясь на грани сна, он думал, что Чжоу Янь всё ещё рядом. Тянулся за его рукой — и каждый раз хватал пустоту.

А вдруг и сейчас — только сон? Стоит моргнуть, и всё исчезнет: ни стрелкового полигона, ни света, ни лица. А он снова окажется в своей жестяной конуре.

Но взгляд — взгляд не врал.

Гу Янь не мог не заметить, как на него смотрят. Тем более, что весь этот курс — был всего лишь предлог. Его настоящая цель — Сюй Сяочжэнь.

А теперь он хотел знать: кем он стал для Сюя?

Что это теперь — воскресший призрак былой любви?

Он едва заметно усмехнулся. Уже знал наперёд: Сюй снова зацепится за него, станет держаться, идеализировать. Стоило только намекнуть — и тот покорится, как раньше. Мысль об этом будоражила.

Судя по их прошлому, Сюй был его первым. Он открыл ему эту сторону жизни, задал вкус, направление желания. Оказал огромное влияние.

Но любовь не равна ответственности. Гу Янь хотел лишь одного — удовольствия. Наслаждения. Всё, что его занимало сейчас, — как эффектно вернуться в жизнь Сюя. Заглушив голос совести, он начал продумывать сценарий.

Сюй не сводил с него взгляда.

А Гу Янь тем временем спокойно разбирал пистолет, демонстрируя студентам внутреннее устройство:

— Walther P38. Это будет ваше личное оружие. Лёгкое, компактное, полуавтоматическое. Удобно в обращении и несложно в обслуживании...

Говорил небрежно, но уверенно. Было очевидно, что он знает это оружие досконально. Голос — хрипловатый, уже пройдя через мутацию — звучал почти завораживающе.

Взгляд скользил по аудитории, не задерживаясь ни на одном лице.

На вопросы отвечал быстро и точно. Казалось, в теме оружия не было ни единого пробела. Но стоило расспросам перейти черту — особенно если вопросы были глупыми — он раздражался. Мог резко оборвать:

— Поищи сам.

Он не был из тех, кто с терпением и тёплой улыбкой объясняет. Мягкости в нём не было. Он говорил с позиции превосходства — не свысока, но как равный среди тех, кто всё же ниже. С холодной, уверенной отстранённостью.

Сюй Сяочжэнь уловил, как рядом двое студентов что-то перешёптываются. Хоть и говорили тихо, в их голосах звучали трепет и восторг:

— Сразу понял — лицо знакомое. Это же, кажется, сам генерал-майор Гу! Сын маршала Гу! Говорят, после академии сразу возглавил арсенал, все экзамены на S+ сдал... Просто альфа-монстр. Даже отсюда чувствуется его давление. Эти феромоны!

— Будь я хоть наполовину таким, отец бы с ума сошёл от гордости.

— Тсс! Он смотрит! Чёрт, и лицо у него... страшное. Тихо, не дыши!

Сюй Сяочжэнь, услышав это, будто вышел из транса. Поспешно опустил глаза, заставляя себя не смотреть в сторону Гу. Подавил порыв — подойти, заговорить.

Теперь он ясно видел: Чжоу Янь — больше не Чжоу. Теперь он Гу Янье. С новым именем пришёл и новый статус. Любая неосторожность могла обернуться катастрофой — и для него, и для... Гу.

Сюй умел ждать.

Но мысли не давали покоя. Как Чжоу Янь стал Гу Янем? Что произошло за эти годы? Почему он жив — и почему ни разу не вернулся?

Он так погрузился в размышления, что даже не заметил, как остальные уже выполнили задание: разобрали затвор, ствол, возвратную пружину. Один он стоял в ступоре.

— Сзади не слышно было? — голос Гу Яня раздался прямо у него над ухом.

Гу подошёл близко, нахмурился.

Все обернулись. Взгляды — жадные, с ожиданием зрелища. Кто-то прошептал:

— Попался. Этот альфа — не из добрых. Сейчас бету прижмёт, мигом обратно в свою дыру погонит. Восемнадцатый район, привет.

— От генерала такое давление, что и с другой стороны зала чувствуешь. Сюю крышка.

— Подожди... странно. От него вообще нет давления. Ноль. Как будто... не хочет напугать? — вполголоса переговаривались несколько альф.

А Сюй Сяочжэнь, охваченный паникой, судорожно пытался наверстать упущенное.

— Простите... — выдохнул он, краснея от смущения.

Горячая ладонь легла на его холодную руку. Гу Янь подошёл вплотную — так близко, что их тела почти соприкасались. Он без слов взял его за руку и медленно, шаг за шагом, помог разобрать детали оружия.

Сюй дышал прерывисто. Гу уловил это — и усмехнулся:

— Не нервничай.

Остальные застыли, словно увидели призрака.

А сердце Сюя будто провалилось в ледяную пустоту. Он понял: Чжоу Янь... его не узнаёт.

Почему? Или, может, он действительно ошибся?

Гу Янь отпустил руку и отошёл. Место прикосновения жгло кожу. Боль накатила внезапно, остро.

После занятия Сюй хотел подойти. Спросить напрямую: кто ты? Ты — Чжоу Янь? Или нет?

Но, оглянувшись, не увидел его. Гу Янь исчез. Мысли спутались, внутри всё сжалось. Он даже подумал — а не пойти ли к нему домой? Но быстро понял: бета туда не пройдёт. Его просто выставят за ворота.

Оставалось только ждать следующего занятия. Он не находил себе места. Жаждал правды — и одновременно боялся её. А вдруг окажется, что между Гу Янем и Чжоу Янем — ничего общего? Или, наоборот, слишком много?

Единственное, чего он хотел — чтобы тот, кого он любил, оказался жив.

Наконец настал день следующего урока по стрельбе. Но вместо Гу Яня пришёл другой инструктор и сообщил:

— Генерал-майор Гу был ранен при выполнении задания. Сегодня он не сможет вести занятие.

Сюй погрузился в ещё более глубокую тревогу и отчаяние. Он не мог ни есть, ни спать, метался между мыслями.

Если это Чжоу Янь — почему он его не узнаёт? Почему не вернулся? Насколько тяжело он ранен? Больно ли ему сейчас? Угрожает ли ранение его жизни?

Эти вопросы будто камни давили на грудь.

Даже его соседи по комнате начали замечать, что с ним что-то не так. Спрашивали: «Ты в порядке? Не заболел?»

После отбоя он снова и снова прокручивал в голове сцену того дня — момент, когда Чжоу Яня пронзил клинок. Пытался найти хоть тень возможности, что тот выжил. Каждое воспоминание резало, словно по новой.

Он знал: если окажется, что Гу Янь — не Чжоу Янь, это разобьёт его окончательно. Но всё равно продолжал надеяться.

Ожидание, страх, надежда и боль сливались в гремучую смесь. Каждое утро он просыпался с клочьями волос на подушке.

Так он и держался. До того дня, когда в обед едва съел пару ложек и, зажав рот ладонью, выбежал из столовой — рвота подступила к горлу.

Он больше не мог. Начал повсюду искать, в какой больнице может лежать Гу Янь.

Никто не хотел говорить. Тогда он пошёл по больницам сам — одна за другой. И в каждой показывал студенческий билет. Его статус учащегося Имперского университета помогал: сотрудники сомневались, но всё-таки впускали, полагая, что он внебрачный ребёнок какого-нибудь высокорангового альфы или омеги, неудачно прошедший дифференциацию.

На второй попытке — повезло. Он нашёл нужное место.

У двери палаты — охрана в штатском. Патрулировали, косились с подозрением. Сюй увидел его сквозь стекло.

Он сидел, листал утреннюю газету. В век, когда вся информация — в телефоне, бумажная пресса выглядела почти анахронизмом.

И всё же — это был он. Слишком похож. Даже манера держать газету — точь-в-точь, как у Чжоу Яня.

Когда-то, в Восемнадцатом районе, тот настоял: оформим подписку. Сюй тогда ворчал — мол, трата денег. Но подписался. И даже после его смерти каждый день у двери всё ещё появлялись свежие выпуски.

Охранники смотрели на Сюя откровенно враждебно. Он убедился, что тот жив, развернулся — и ушёл.

А внутри палаты Гу Янь, всё это время не отрываясь смотревший в газету, наконец поднял взгляд. Уставился в пустоту — туда, где только что исчез Сюй. Потом аккуратно сложил газету, отложил в сторону.

— Ты вообще что выдумываешь? — буркнул Чжоу Цзиншуо, поедая яблоко. — Дал бы денег — и дело с концом. Хочешь держать — плати. А то устроил целый театр. Да ещё и охране приказал его впустить.

— У тебя мозги с грецкий орех. Думать ты вообще умеешь? — отозвался Гу Янь с ленивой иронией.

Цзиншуо на секунду задумался:

— Ну, ты тогда уехал без слова. Он решил, что ты умер... Наверное, переболел этим. А теперь, смотри — жив, здоров, в Имперскую академию поступил. Так пойдёшь, скажи: был дураком, не ценил. Осознал. Всё ещё любишь. И конец истории.

— А если он не примет? Если возненавидит? — слово «ненависть» застряло в горле, тонко укололо, как иголка. Быстро. Мелькнуло — и исчезло, оставив легкое послевкусие боли.

Цзиншуо даже замялся:

— Как... как это — не примет?

С детства их окружали люди, для которых любое их слово было законом. Даже если ты кому-то ломал ногу — стоило сказать «извини», и тебе в ответ улыбались, уверяя, что это они сами виноваты.

Гу Янь лениво откинулся на подушку. Голос стал чуть тише, глуше:

— Даже если он согласится... Это останется занозой. Он не сможет забыть. Не сможет доверять. Будет возвращаться к этому, упрекать, спорить. Решит, что может мной управлять. А мне это всё... в тягость. Я ищу удовольствия, не расплаты.

Он на мгновение замолчал, потом добавил:

— К тому же, скорее всего, я всё равно через пару лет женюсь. Я не собираюсь быть с ним навсегда. И мне не хочется его утешать.

— Тогда вообще не извиняйся. Просто возьми его, закрой — и держи, пока не надоест. А потом отпусти, — Цзиншуо произнёс это с той лёгкостью, с какой говорят о домашнем питомце.

Гу Янь бросил на него взгляд. И вдруг с полной ясностью понял: пытаться что-то объяснить этому существу — бессмысленно. Он бы никогда не понял, что значит — быть любимым Сюем Сяочжэнем.

Когда Сюй любил — ты становился его вселенной. Всё в его жизни крутилось вокруг тебя. Это было...

Он не договорил. Поднёс руку к стоящей у изголовья кровати лилии, щёлкнул по лепестку:

— Я не люблю белые цветы. В следующий раз пусть будут красные.

— Брат, ты в своём уме? Это ты сам говорил, что ненавидишь красные цветы! — фыркнул Чжоу Цзиншуо.

...

Сюй Сяочжэнь ждал ещё неделю. И вот — снова стрельбище, снова занятие.

Он боялся, что один взгляд выдаст его чувства и создаст Гу Яню лишние проблемы. Поэтому

опускал глаза, делал вид, что спокоен.

После урока он решился было подойти... но дорогу ему преградили.

Несколько альф встали перед ним плотной стеной. Высокие, мощные, как бетон. Их тела буквально перекрывали воздух. Давление было ощутимым — физически.

— Паршивец. Думаешь, мы не заметили, как ты пожираешь генерала глазами? Завидуешь, да?
— один из них ткнул его пальцем в плечо, заставив отшатнуться.

— Смотреть на тебя — противно. Ты вообще понимаешь, насколько это унижительно для альфы
— быть объектом желания со стороны такой твари, как ты?

— И ты, правда, веришь, что сможешь стать политиком? Как Гу Янь? Это же смешно.

Сюй не хотел связываться. Пытался обойти, чтобы догнать Гу Яня.

Но трое так и остались стоять, заслоняя проход, глухой стеной отрезая обзор. Он даже не знал
— ушёл ли тот уже. Тогда попытался говорить жёстче:

— Здесь повсюду камеры. Не хотите проблем — отойдите.

Альфы только рассмеялись:

— Проблемы? У нас?

Ты, Сюй Сяочжэнь, и правда думаешь, что, поступив сюда, стал нам ровней?

— Да даже если мы тебя здесь убьём — никто не дёрнется.

Один резко схватил его за воротник и с силой швырнул на землю.

Несколько омег ахнули:

— Это уже перебор! Вы с ума сошли?

Альфы вечно только кулаками и могут. Не хотите — пусть отчисляют, но зачем так?

Альфы ухмыльнулись. Один, облизывая зубы, бросил:

— Таких тварей без ремня не воспитаешь.

Он снова потянулся к Сюю, словно собираясь повторить бросок.

Сюй Сяочжэнь остался сидеть. Пальцы вжались в землю. Он опустил голову и тихо произнёс:

— Простите.

Может, если извиниться, они отступят. Он спешил. Ему нужно было найти Гу Яня. Наконец-то спросить всё то, что жгло изнутри.

— Ха-ха! Извинения? Думаешь, это что-то меняет? — один из альф присел, похлопал Сюя по щеке... а потом резко ударил кулаком.

Сюй закашлялся, инстинктивно схватившись за грудь. Боль была такой, будто внутри что-то треснуло.

Какой же это фарс: стоишь — бьют. Подчиняешься — всё равно бьют. Тогда, может, стоит дать сдачи?

Учебное оружие всё ещё лежало неразобранном. Сюй потянулся к пистолету и направил его прямо на них. Трое замерли. Переглянулись.

— Не смей. Он же без патронов, — фыркнул один.

Сюй медленно поднялся. И сразу — с силой ударил дулом по голове ближайшего. Металл рассёк кожу, кровь хлынула по лицу. Альфы отшатнулись — впервые в их взгляде мелькнул страх.

Сюй пошёл вперёд, как будто в нём что-то прорвалось:

— Ну? Вы же хотели драться? Так деритесь! Убейте меня, если хватает духа!

Раненый схватился за лоб, застыл от шока. А потом — сорвался, ослеплённый яростью. Он не ожидал, что Сюй Сяочжэнь осмелится первым пойти в нападение.

Силы были неравны. Но даже с разбитым лицом, захлёбываясь собственной кровью, Сюй продолжал бороться. Он казался каким-то диким, несломленным — словно просто не знал, как это: сдаться.

Когда Гу Янь вернулся — и одним ударом швырнул одного из нападавших в сторону — Сюй всё

ещё вцепился зубами в руку другого. Из последних сил. С пеной на губах.

Гу Янь на секунду застыл. Не верил глазам.

Потом шагнул вперёд, схватил второго за горло и без усилия отбросил в сторону.

— Я не знал, что в Имперском университете теперь можно избивать студентов. Собрались — и катитесь домой. Там и играйте в господ, — бросил он холодно.

Он протянул руку Сюю, всё ещё сидевшему на земле. Тот был ошеломлён.

Альфы, с рассечёнными лицами и окровавленными губами, переглянулись. Они не понимали. Почему генерал-майор Гу защищает... этого?

— Но... он же бета, — неуверенно пробормотал один из альф.

В голове Гу Яня на миг промелькнуло: «Разве он не омега?..»

Но это не имело значения.

— Не мне это объясняйте. А своим родителям, — отрезал он.

Он взял Сюя под руку и, прихрамывая, повёл его в медпункт.

Когда Сюя избивали — он не плакал. Но стоило увидеть его, и глаза сразу наполнились слезами.

Когда Гу Янь спросил, больно ли ему, тот просто кивнул, прерывисто вдохнул и прошептал:

— Больно.

Школьного врача на месте не оказалось. Гу Янь наскоро обработал раны тем, что нашлось под рукой.

Сюй не сводил взгляда с этого лица — знакомого, почти забытого. И, наконец, тихо спросил:

— Вы ведь меня знаете, правда?

Гу Янь чуть замер, потом спросил в ответ:

— Ты бывал в Первом районе?

Сюй покачал головой.

Гу Янь приложил ватный тампон к ссадине на лбу. Сюй зашипел от боли, скривился.

Тот спокойно произнёс:

— Пришёл в себя? Тогда как мы могли быть знакомы?

Но Сюй не сдавался. Его голос стал твёрже:

— Тогда почему вы так ко мне относитесь? Вы же альфа. Почему помогаете мне?

Гу Янь на мгновение замолчал. Потом, чуть отвёл взгляд, и тихо ответил:

— Когда ты спросил, знакомы ли мы... я и сам на миг усомнился. Ты кажешься мне знакомым. Может, мы действительно были знакомы. — Он посмотрел прямо в глаза Сюю, глубоко, почти до дна. — Есть голос внутри... он шепчет: ты похож на кого-то, кто был для меня очень важен.

Сюй захлебнулся надеждой, резко схватил его за руку:

— Тогда... ты помнишь? Пять лет назад. Восемнадцатый район. Ты был там?

Гу Янь мягко разжал его пальцы. Поднял подбородок Сюя, чтобы нанести мазь. Они были так близко, что дыхание смешалось, плотное, горячее. Казалось, ещё секунда — и случится нечто большее.

— Не уверен, — выдохнул он. — Тогда я был тяжело ранен. После этого... многое забыл. Восемнадцатый район?... Кажется, слышал.

Он смотрел на него пристально, почти болезненно. Взгляд — как лезвие — проходил по лицу Сюя: от лба вниз, изучая каждую черту, будто вырезая их в памяти.

У Сюя было лицо с ладонь — светлое, чистое. Глаза — прозрачные, испуганные, как вода, в которой отражался только он. Лицо, когда-то округлое, осунулось, щеки впали. Казалось, оно должно было стать резким, угловатым, но в этих растрёпанных прядях, спадавших на лоб, всё ещё оставалось что-то удивительно мягкое. Нежное.

На коже — ссадины, потёртости. Выглядел он жалко. Почти по-щенячьи.

Взгляд Гу Яня скользнул по его губам — побледневшим, чуть подрагивающим. На долю секунды возникло желание наклониться ближе. Почти. Но он тут же отдёргнулся.

И в этот момент Сюй вдруг протянул руку к его груди. Гу Янь резко отстранился:

— Ты что творишь?

— У тебя тогда было ножевое... вот отсюда... — он коснулся груди — и до самой спины. — Это ты. Я уверен. Ты — Чжоу Янь! — голос дрожал.

Гу Янь нахмурился, выпрямился, осмотрел его холодно, как потенциальную угрозу. Отложил ватную палочку, медленно вытер руки салфеткой:

— Не знаю, откуда ты это взял. Но если хочешь остаться в живых — забудь. И молчи.

В нём кипела ярость. Он бросил лекарства на стол и быстро зашагал к выходу.

Сюй вскочил, даже не натянув обувь. Босиком — по холодной плитке. Он схватил его за руку:

— Чжоу Янь! Это я! Сюй Сяочжэнь! Мы жили в Восемнадцатом районе, вместе! Мы клялись поступить в университет и быть рядом всю жизнь! Я не лгу! Спроси что угодно — я всё вспомню! Пожалуйста... вспомни...

Но Гу Янь помнил лишь одно: он никогда не произносил этих слов. Это Сюй всё время твердил о «вместе навсегда». Да, они целовались. Да, делили постель. Но... были ли они парой?

Он резко выдернул руку:

— Хватит. Мне не до твоих фантазий.

Сюй быстро снял часы и протянул их:

— А это? Помнишь? Ты продал их, чтобы купить себе лекарство. А потом вернул мне.

Гу Янь лишь скользнул по ним взглядом. На мгновение лицо смягчилось. Будто он узнал их. Или... почти узнал. Он задумался.

— Я сам всё выясню. Следи за языком. Когда будут новости — сообщу, — бросил он на прощание и ушёл.

Сюй молча кивнул. Проводил его взглядом — с тихой надеждой.

«С его положением... он точно всё узнает. Обязательно...»

С этими мыслями он вернулся в общежитие. Лекарства всё ещё сжимал в руке.

Подошёл к зеркалу — впервые за долгое время — и не смог оторваться.

Соседи бросали на него удивлённые взгляды.

Он провёл пальцами по лицу: ссадины, синяки, под глазами — тяжёлые тени от бессонных ночей. Кожа бледная, волосы — не мытые с вчерашнего дня. Вздохнул.

Такая важная встреча... И он явился в таком виде. Как он мог показаться Чжоу Яню вот так? Надо было хотя бы привести себя в порядок.

Соседи — такие же беты, как он, — примерно понимали, что с ним происходит. Всё было видно: и на лице, и в походке, и в этом взгляде в пустоту.

— Сяо Чжэнь, говорят, сегодня на тренировке генерал Гу сам за тебя вмазал паре альф. Вау, тебе реально повезло!

— С тех пор как вернулся — только и смотришь в зеркало. Прямо как омеги в весенний период. Признавайся, генерал в тебя влюбился?

— Если поженитесь — пригласи нас на свадьбу! — смеялись они. Легко, искренне. Словно поднимали его ввысь — не задумываясь, с какой высоты можно потом рухнуть.

Потому что все знали: бета и альфа — несравнимы. Альфы не выбирают бет. Никогда.

Каждый год кто-то всё равно мечтает: о настоящей любви, о чуде, о преодолении границ. И каждый год — одно и то же.

Любой, кто мыслит трезво, держится подальше от этих небожителей.

А ведь, по правде говоря, многие из них действительно хотели бы увидеть, как кто-то из бет сумеет прорваться. Пробить потолок. Жениться на альфе или омеге. Доказать всем — это возможно.

Сюй захлопнул створку зеркала, сбитый с толку их словами. Сердце стучало чаще.

Но тут же — как ушат холодной воды — пришло осознание: между ним и тем, кем стал Чжоу Янь, пролегла пропасть.

Тогда, в Восемнадцатом районе, они могли быть вместе — просто, без лишних слов.

А сейчас?.. Сейчас он — всего лишь бета.

А Чжоу Янь?.. Нет. Теперь он — Гу Янь. Альфа. Высшего ранга. Военный, элита, недостижимый.

Как он вообще мог подумать, что соответствует ему?

...

Тем временем сам Чжоу Янь, выйдя за ворота кампуса, сел в машину. Его лицо, до этого сосредоточенное и сдержанное, вдруг расплылось в ленивой, самодовольной ухмылке.

Он рассчитывал, что всё пройдет гладко.

Но даже не ожидал — насколько гладко.

Сюй Сяочжэнь проглотил наживку без тени сомнения. Ни страха, ни отстранённости.

Он боялся, что за пять лет чувства у того могли остыть. Что появилось что-то — кто-то — новый.

Но нет. Сюй всё ещё дорожит им. Всё ещё помнит.

Слишком просто, — подумал он.